

В.В.Волков,
доктор философии (PhD),
Европейский университет,
Санкт-Петербург

От преступных группировок — к региональным бизнес-группам

Эволюция организованной преступности в 1990-е годы

В середине 1990-х годов широкую известность получили данные о масштабах организованной преступности, опубликованные Аналитическим центром по социальной и экономической политике при президенте РФ. Согласно этим данным, преступные группировки контролировали или владели (конкретное содержание отношений собственности не уточнялось) 40 тыс. предприятий, включая 2 тыс. в государственном секторе. Три четверти предприятий выплачивали охранную дань криминальным структурам¹. Аналитический центр Российской академии наук опубликовал еще более ошеломляющие данные, по которым 55% капитала и 80% голосующих акций находились в руках организованной преступности². Основываясь на этих данных, Центр стратегических и международных исследований в США авторитетно заключил, что примерно две трети российской экономики находится под контролем преступных синдикатов и российская организованная преступность представляет угрозу национальным интересам США³.

Потом, правда, выяснилось, что те 40 тыс. предприятий, о которых шла речь в правительственной статистике, это в четыре раза больше, чем число средних и крупных предприятий, приватизированных к этому времени, и в два раза больше числа существующих

¹ Известия. 1994. 26 янв.

² Независимая газета. 1995. 21 сент.

³ Webster W Russian Organized Crime. Global Organized Crime Project. Wash.: Center for Strategic and International Studies, 1997. P. 2.

крупных предприятий, т.е. если эти данные и имели под собой какую-либо почву, то относились в основном к мелким фирмам. Тем не менее их правдоподобность не вызывала сомнений, поскольку тогда, в середине 1990-х годов, повсеместное присутствие организованных преступных группировок (ОПГ) в экономических отношениях и влияние бандитской субкультуры в повседневной жизни были очевидны. Понятно и то, что борьба с организованной преступностью велась слабо, а правоохранительные органы занимались во многом сходным бизнесом и были вовлечены скорее в экономическую конкуренцию с ОПГ, чем в борьбу с ними от лица государства. Сегодня ситуация совершенно другая. Можно сказать, что "классические" бандиты исчезли, известные наводившие ужас ОПГ отошли на второй план, а криминальная субкультура живет в основном в телесериалах и приключенческой литературе. Уместен простой на первый взгляд вопрос: куда ушла или во что превратилась организованная преступность? Почему исчез бандит как социальный тип?

Силовое предпринимательство

Говорить о том, что государственные правоохранительные органы сыграли в этом главную роль, необоснованно. Поэтому ответы на поставленные вопросы следует искать во внутренней трансформации самих ОПГ, произошедшей в результате капитализации охранной дани и воздействия конкуренции на рынке охранных услуг. Во многом ОПГ стали жертвами своего собственного успеха. Стремясь захватить контроль за определенными сегментами легального рынка и капитализировать доходы, полученные от охранной и другой противозаконной деятельности, ОПГ и их лидеры сами стали объектами воздействия жестких императивов рыночной экономики. Те ОПГ, которые не смогли адаптироваться к легальной экономике, остались таковыми и потеряли свое прежнее влияние, а те немногие, которые пошли по пути переопределения прав собственности в пользу экономических субъектов, которые активно использовали возможности легальных форм собственности и заключили неформальный пакт с региональными властями, перестали существовать как ОПГ и превратились в региональные бизнес-группы.

Для того чтобы понять логику трансформации успешных ОПГ, необходимо прояснить природу их деятельности и функции в экономике переходного периода. С социологической точки зрения более продуктивно рассматривать все силовые структуры как явления одного порядка, независимо от того, являются ли они ОПГ, частными охранными предприятиями, группами работников правоохранительных органов или сотрудников госбезопасности и т.п., т.е. независимо от их правового и даже морального статуса. Важно то, каковы их действительная практика, отношения с экономичес-

кими субъектами и их функции в переходной экономике. Основную деятельность этих структур можно определить как силовое предпринимательство — совокупность организационных решений и спонсорских действий, применяемых для конвертации организованной силы (угроз или насилия) в деньги или другие рыночные блага на постоянной основе. Если потребительские товары составляют основной ресурс торгового предпринимательства, деньги — финансового предпринимательства, информация — информационного и так далее, то силовое предпринимательство конституируется социально организованным насилием, потенциальным или реальным. Силовое предпринимательство — это средство извлечения и увеличения частных доходов групп, владеющих и распоряжающихся средствами насилия, на основе установившихся отношений обмена с другими группами, владеющими иными ресурсами.

Изначально эту предпринимательскую нишу во второй половине 1980-х годов открыли бывшие уголовники и бригады спортсменов, которые занимались охранным рэкетом — по сути, вымогательством денег у частных предпринимателей и кооперативов за охрану от себе подобных. К началу 1990-х годов любая частная силовая структура, будь то ОПГ или легальное охранное предприятие, а также государственная силовая организация, действующая неформально (многочисленные РУБОПы, СОБРы, и т.д.), могла успешно заниматься силовым предпринимательством, умело управляя имеющимся силовым ресурсом и находя ему все новое и новое коммерческое применение. Все они занимались физической охраной, возвратом долгов, решением имущественных споров и принуждением к исполнению судебных решений, информационным обеспечением, обслуживанием бартерного обмена и т.д. То, что для силовых предпринимателей было основным занятием, так называемое "решение вопросов", для экономических субъектов относилось к институциональной среде их деятельности, т.е. к условиям, делающим возможным относительно предсказуемое поведение контрагентов. То, что не было своевременно обеспечено слабеющим государством (безопасность, арбитраж, охрана прав собственности), стало сферой специфического частного предпринимательства¹.

Обострившаяся к середине 90-х годов конкуренция в сфере силового предпринимательства, выразившаяся как в форме криминальных войн и спорадических мер против организованной преступности, так и в косвенной конкуренции за новых клиентов в сфере экономики и финансов, вызвала постепенную трансформацию частных силовых структур, особенно ОПГ, и использование ими новых форм собственности. Выживание ОПГ уже зависело не столько от силового потенциала и криминальной репутации, сколь-

¹ Подробнее см : *Волков В.* Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56-65.

ко от возможности создания финансово-экономической базы и политической протекции. Многие ОПГ оставались верными криминальной субкультуре и изначальной политике максимального изъятия денег и других ресурсов у экономических субъектов, с которыми им удавалось установить охранные отношения ("подогнать под крышу"). Однако ряд ОПГ прошел через фазу адаптации, в рамках которой осуществлялись: а) постепенное перераспределение прав собственности в пользу экономических субъектов; б) переход от охранной дани к доходам от инвестиций в легальную экономику как основному источнику обогащения (капитализация охранной дани); в) установление неформального пакта с региональными властями и избавление от криминальных видов бизнеса. В результате этих процессов к концу 1990-х годов произошла значительная дифференциация в среде ОПГ (ввиду недостатка места, эволюцию других типов силовых структур мы здесь не затрагиваем), завершившаяся созданием бизнес-групп и вертикальной дезинтеграцией многих ОПГ. Не реформированные ОПГ, сохранившие криминальный стиль и традиции, стали объектом все более интенсивного прессинга со стороны правоохранительных органов.

История каждой ОПГ имеет, естественно, свою местную специфику. Однако можно выделить общие этапы, через которые прошли ОПГ, которые мы условно обозначили как экономически успешные: 1) формирование рэкетирской бригады; 2) наращивание силового ресурса и создание мощной силовой структуры; 3) война "на выбывание" и консолидация; 4) капитализация дохода от силового предпринимательства и заключение неформального пакта с местными властями; 5) создание бизнес-групп; 6) создание политической организации ("надстройки").

Теперь проиллюстрируем эти процессы на примере двух влиятельных региональных ОПГ — *тамбовской* и *уралмашевской*.

Тамбовские ОПГ

История *тамбовской* группировки (*тамбовских* или *тамбовцев*) берет свое начало в 1988 г., когда в Ленинграде встретились два уроженца г. Тамбова, приехавшие получать высшее образование: недоучившийся студент Ленинградского оптико-механического института Владимир Кумарин и выпускник Ленинградского института физкультуры им. Лезгафта по кафедре бокса Валерий Ледовских. Первоначально они собрали бригаду, охранявшую наперсточников. Далее эта бригада пополнялась уже не строго по земляческому, а скорее по спортивному принципу (многие участники пришли из силовых видов спорта). Само название группировки уже не отражало ее географического происхождения. Как и названия других подобных группировок, оно в первую очередь способствовало внутренней дифференциации разрастающейся рэкетирской среды — в это же

время появились *малышевские, пермские, казанские, мурманские и т.д. Тамбовские* получили широкую известность благодаря серии телевизионных репортажей журналиста Александра Невзорова. По словам Кумарина, «...Невзоров начал выпускать репортаж за репортажем об ужасных "тамбовцах" — для нас это как реклама была. Так все к нам и полезли сами. Хотя было и такое, что людей искусственно заманивали, не буду отрицать»¹. В начале 1990-х годов группировка стала стремительно расти, пополняя свои ряды бывшими спортсменами и присоединяя небольшие уже сформировавшиеся бригады. Кроме упомянутых "основателей", в верхний эшелон *тамбовских* входили бывший тренер по боксу, впоследствии депутат Государственной Думы по списку ЛДПР Михаил Глущенко ("Хохол"); лидеры *великолукской* бригады братья Гавриленковы; будущий директор частного охранного предприятия "Скорпион" Александр Ефимов (осужден в 1999 г.); бизнесмен Олег Шустер, некоторое время владевший местным 11-м телеканалом, а также набиравшие силу *авторитеты* Вася "Брянский", Степа "Ульяновский" и Боб "Кемеровский". Каждому из них подчинялось несколько бригад. По различным оценкам, численность ОПГ в 1990 г. достигала от 300 до 500 человек. На этом этапе *тамбовские* занимались стандартным силовым предпринимательством, навязывая охранные услуги и контролируя экономическую деятельность компаний и кооперативов как в легальной, так и в теневой сферах, от импорта оргтехники и экспорта леса до игорного бизнеса и проституции.

В 1990 г. часть *тамбовских*, включая Кумарина и Ледовских, оказалась за решеткой, но уже к началу 1994 г. все были вновь на свободе. Теперь основная угроза, с которой столкнулась группировка, исходила не от правоохранительных органов, а от начавшегося в 1993 г. внутреннего конфликта, типичного для этой среды. Одна фракция ОПГ, *великолукская* бригада, конфисковала у бизнесмена, работавшего под "крышей" Кумарина, большую партию вина (более 1 млн долл.), закупленного накануне Игр доброй воли. Не желая возвращать вино или деньги, *великолукские* решили устранить лидера другой фракции. В июне 1994 г. на Кумарина было совершено покушение, но ему чудом удалось выжить. В результате "внутреннего" расследования и последовавшей за этим войны все авторитеты *великолукской* бригады были постепенно устранены².

В результате конфликта Кумарину удалось консолидировать руководство ОПГ. В 1995 г. началась ее активная переориентация на инвестиции в легальную экономику. Обычно на этом этапе струк-

¹ Константинов А. Бандитский Петербург'98. СПб.: Олма-пресс, 1999. С. 359.

² Об этом эпизоде Мариной Козловой был снят документальный фильм "Бандитский мартиролог" в серии "Вне закона". СПб.: Дубль видео, 1998. См. также: Константинов А. Указ. соч. В течение 1994-1995 гг. были убиты Н.Гавриленков ("Степаньч"), "Анжей", Косов, Рунов и Гаврисенков. В.Гавриленков был ранен во время покушения на него в отеле "Невский палас".

тура ОПГ начинает меняться. В "классическом" варианте ОПГ предоставляли охрану и контролировали сделки предприятий, получая 20-30% прибыли, а руководство этих предприятий ("барыги", "лохи") рассматривались лишь как источник дани. Во многих случаях ОПГ могли произвольно конфисковывать их активы, поскольку рассматривали коммерсантов как свою собственность и подчиненную группу. Но по мере капитализации охранной дани, в ОПГ стали появляться особые, "доверенные" коммерсанты, являвшиеся полноправными участниками и управлявшие инвестиционной деятельностью группировки. Вместе с ее ведущими авторитетами они стали совладельцами крупных холдингов и занимали директорские должности (сами авторитеты часто оформлялись как заместители по вопросам безопасности). Многие коммерческие проекты *тамбовских*, например, реализовывались через братьев Вячеслава и Сергея Шевченко, депутатов Государственной Думы (ЛДПР) и Законодательного собрания С.-Петербурга соответственно. Оба являлись владельцами сети магазинов, ночных клубов, УКВ-радиостанции и издательской сети. Местная политическая протекция также обеспечивалась спикером Законодательного собрания С.-Петербурга Виктором Новоселовым. Силовой потенциал *тамбовских* был легализован через создание частных охранных предприятий "Дельта-2", "Конкорд", "Кондор", "Касатка".

Стратегический интерес *тамбовских* вскоре переместился в сферу энергоресурсов Северо-Западного региона. В начале 1990-х годов основным поставщиком топлива в этот регион была сибирская компания "Сургутнефтегаз". Ей принадлежало большинство нефтебаз, бензоколонок и других объектов топливно-энергетической инфраструктуры. Городские и областные власти находились в зависимости от ценовой политики сибирской монополии и объема поставок. Необходимость реорганизовать топливно-энергетический рынок стала особенно насущной после топливных кризисов 1994 г. Для изменения ситуации нужно было ввести других игроков и создать конкуренцию на рынке нефтепродуктов. Но было и параллельное решение, которое позволяло тому, кто его осуществит, с одной стороны, помочь властям приобрести большой контроль за рынком, а с другой — воспользоваться ситуацией в свою пользу. Суть этого решения, которое и начало осуществлять руководство *тамбовской* ОПГ, состояло в том, чтобы отрезать местную топливно-энергетическую инфраструктуру от своей материнской компании, т.е. взять под контроль дочерние предприятия "Сургутнефтегаза" в С.-Петербурге и Ленинградской области и связать их с альтернативными поставщиками нефтепродуктов. Используя тактику выгодных предложений и предложений, "от которых нельзя отказаться", а также различные схемы и манипуляции с правами собственности, т.е. весь арсенал наработанных методов, *тамбовская* ОПГ реализовала этот план в течение трех лет. В то же время,

следуя примеру московских властей, петербургское руководство приняло решение создать компанию, призванную защищать интересы региональных потребителей. В сентябре 1994 г. городская администрация совместно с рядом ведущих бизнесменов создали Петербургскую топливную компанию (ПТК). К началу 1998 г. все бывшие дочерние предприятия "Сургутнефтегаза", а также новые компоненты топливно-энергетической инфраструктуры, созданные тамбовскими, официально вошли в холдинг ПТК¹. Взяв фамилию матери, Кумарин (ныне Барсуков) стал вице-президентом компании, а вице-губернатор Юрий Антонов — ее президентом.

Для тамбовских ПТК оказался чем-то вроде "троянского коня". Чем сильнее ОПГ вовлекалась в приобретение предприятий и фирм в собственность и в управление ими, тем более она была вынуждена подчиняться законам и правилам, отличавшимся от тех, которые были приняты в преступной среде. Многие пишут о влиянии преступной среды на стиль бизнеса в России, но мало кто обращал внимание на влияние бизнес-стиля на преступную среду. Тамбовская ОПГ стала в гораздо большей степени зависеть от профессиональных менеджеров, финансистов и бухгалтеров. Экономические интересы ОПГ, воздействующие на нее императивы рыночной экономики и стремление ее верхушки к подражанию бизнес-элите (иногда, чисто функциональное), постепенно превратили ее криминальную репутацию — мощный фактор экономии издержек в охранном бизнесе — в отрицательный актив. Теперь ПТК стремится формально оставаться в рамках закона и в результате срачивания с региональными властями вынуждена все более полагаться на околосударственные структуры в обеспечении прав собственности и безопасности. "ПТК имеет четкую инфраструктуру и абсолютно прозрачна для города как налогоплательщик", — утверждал в конце 1999 г. ее президент и вице-губернатор города Антонов². Главным консультантом по безопасности ПТК являлся один из бывших начальников ГУВД. Стремясь в автобиографическом интервью переопределить себя как бизнесмена, Владимир Барсуков говорил о том, что он открыл новые задачи и изменил свое понимание жизни. «В июне 1998 года я стал вице-президентом крупнейшего холдинга — "Петербургской топливной компании". У нас очень много задач, нужно решать много проблем: не сверстан еще бюджет, мы делаем единую бухгалтерию, единое холдинговое управление. То есть в моей жизни сейчас произошли большие изменения...»³

Но к концу 1999 г. ситуация стала ухудшаться, и бизнес-группа начала терять ключевых людей. В октябре в своем служебном авто-

¹ См.: Оперативное прикрытие. 1998. № 1. С. 28-33; Общая газета. 1998. № 22. 20-26 авг. С. 4.

² Личности Петербурга. 2000. № 1. С. 8.

³ Константинов А. Указ. соч. С. 390.

мобиле был взорван депутат Виктор Новоселов, в начале 2000 г. был арестован бывший депутат Сергей Шевченко, а его брат объявлен в розыск. Вскоре был убит и ближайший помощник Барсукова бывший тренер по борьбе из Военного института физкультуры Георгий Поздняков¹. Лозунг "Петербург — криминальная столица России", активно "раскручивавшийся" накануне губернаторских выборов противниками действующего губернатора, лишь добавил проблем бизнес-группе *НТК-тамбовские*. Но на этот раз на вызов, брошенный *тамбовскими*, был дан не совсем обычный ответ, что можно рассматривать как готовность учитывать новые правила игры. В газете "Смена" Барсуков опубликовал статью со следующим названием: "Тамбовцы, как и петербуржцы, — это всего лишь жители российских городов". В названии отразилось стремление "отмыть" слово *тамбовские* или *тамбовцы* от привычной ассоциации с преступным миром и переопределить себя в качестве граждан, работающих на общее благо. В самой статье выражается протест против термина "криминальная столица" и рассказывается о том, какую пользу городу приносит ПТК. Барсуков, в частности, утверждает, что 90% общественного транспорта заправляется ПТК и что город владеет 14,5% акций холдинга, в котором заняты 2,5 тыс. человек². Несмотря на эти усилия, ему впоследствии все же пришлось покинуть должность вице-президента ПТК. Этот шаг тем не менее едва ли следует считать потерей контроля. Его можно рассматривать и как реализацию принципа разделения владения и управления. По словам основателя ОПГ, "мы же занимаемся не только бензином, но и недвижимостью, торговлей продуктами. И действительно, думаю, что все у нас только-только начинается"³.

Уралмашевские ОПГ

Уралмашевская ОПГ стала называться по месту своего образования — район, прилегающий к Уральскому машиностроительному заводу, известному как "Уралмаш". Ее основателями были местные спортсмены (С.Воробьев, А.Хабаров, С.Терентьев, С.Курдюмов и др.), а также братья Григорий и Константин Цыгановы, имевшие опыт деятельности в "теневой" экономике советского периода. Как и множество других подобных образований по всей стране, *уралмашевские* установили контроль за местным рынком и кооперативным сектором, а также наладили подпольное производство и продажу алкоголя. Когда в конце 1991 г. завод "Уралмаш" столкнулся с серьезным дефицитом наличности и не мог выплачивать зарплату, воспитанники заводского спортклуба предложили свою

¹ Смена. 2000. 27 апр. С. 3.

² Там же. 20 апр. С. 4.

³ *Константинов А.* Указ. соч. С. 388.

помощь, а взамен получили право на пользование несколькими помещениями, включая дворец культуры, который вскоре стал главным офисом фирмы "Интерспорт" и штабом ОПГ. Как и сотни других ОПГ, *уралмашевские* получали 20-30% прибыли хозяйственных субъектов, которым они обеспечивали безопасность и контроль за соблюдением контрактов. Но в отличие от других, они начали активно вкладывать деньги в охраняемые предприятия. Переход к капитализации охранной дани впоследствии предоставил ОПГ важные конкурентные преимущества.

Начало 1990-х годов было периодом бурного роста ОПГ во всех крупных городах и расширения их коммерческой деятельности. Это быстро привело к острым конфликтам с неизбежным применением силы. В 1992-1993 гг. в Екатеринбурге шла интенсивная война, в которой *уралмашевским* противостояли сначала группировки традиционной уголовной направленности — *синие*, а затем ОПГ *центральная* (или *центровые*), сформировавшаяся из спортсменов и городской молодежи вокруг центрального рынка. Едва ли необходимо пересказывать все драматические эпизоды этой гангстерской войны, тем более что они уже неоднократно описывались в прессе¹. В итоге *синие* проиграли и в основном остались в криминальных видах бизнеса. Противостояние *уралмашевской* и *центральной* ОПГ закончилось смертью К.Цыганова и лидера *центральной* ОПГ О.Вагина, а также около двух десятков "авторитетов" и коммерсантов с обеих сторон. Но в целом конфликт закончился в пользу *уралмашевских*. В результате *центровые* остались в гостиничном, игорном бизнесе и торговле, а *уралмашевская* ОПГ стала активно продвигаться в обработку меди, энергетический сектор и сферу коммуникаций. Группировка также проводила благотворительные акции, субсидируя городской транспорт и спортивные школы.

Весной 1993 г. правоохранительные органы арестовали Григория Цыганова, предъявив ему обвинение в вымогательстве. На пресс-конференции глава регионального ГУВД заявил, что арестован лидер организованной преступности. *Уралмашевские* были публично названы организованным преступным сообществом (ОПС). В ответ на это Андрей Панпурин, один из ведущих бизнесменов города, президент "Евро-азиатской компании" и директор Уральского брокерского дома, также созвал пресс-конференцию, на которой предложил другое видение ситуации, утверждая, что "Уралмаш — это финансовая группа, а не ОПГ", и что она переориентировалась на "социально значимую деятельность". Без какой-либо иронии предприниматель объяснил природу ее экономического успеха: "Стиль работы Уралмаш, в отличие от других, самый цивилизованный и демократичный: никто не душил бизнесменов, многие

¹ См. обзор в: Мафия в Екатеринбурге: Общественное мнение и пресса об организованной преступности / Под ред. В.Б.Житенева. Екатеринбург: Новая гильдия, 1993.

проблемы нивелировались, уходила боязнь идти на контакты с партнерами. Константин Цыганов является фигурой стабилизирующего фактора для сотрудничающих с ним предприятий. Он поддерживал баланс сил, который с его арестом может быть нарушен¹. Через некоторое время Цыганов был выпущен на свободу.

На упомянутой пресс-конференции Панпурин пытался объяснить экономическую политику ОПГ, состоявшую в создании условий для инвестиций и расширения бизнеса. Значительный силовой ресурс ОПГ позволял обеспечивать безопасность бизнеса и контроль за исполнением обязательств для хозяйственных субъектов, принадлежащих ОПГ или ее партнерам, — набор услуг, спрос на которые был предельно высок в условиях, когда государство было не в состоянии их предоставить. Если рассматривать лишь экономический аспект деятельности ОПГ, то можно предположить, что *уралмашевские* одними из первых нашли продуктивный способ использования силового ресурса, сосредоточившись на защите инвестиций и предоставлении гарантий охраны прав собственности бизнесменам, участвовавшим в совместных инвестиционных проектах. Согласно данным правоохранительных органов, члены ОПГ *уралмагиевской* учредили около 200 компаний и 12 банков и выступали долевыми участниками еще в 90 компаниях. Основные инвестиции группы были направлены в холдинг предприятий по переработке меди "Европа", нефтеперерабатывающий комплекс "Уралнефтепродукт", компании мобильной и пейджинговой связи "Уралвестком" и "Континентал-Линк", торговлю автомобилями и производство пива². В то же время было отмечено снижение числа уголовных преступлений, совершенных участниками ОПГ³.

К середине 1990-х годов ОПГ *уралмашевская* превратилась в региональную бизнес-группу с полуофициальным названием "Уралмаш", которая состояла из предприятий и фирм, объединенных отношениями собственности и неформальной "надстройки" с собственным силовым ресурсом, используемым для обеспечения безопасности и охраны прав собственности. Бандиты превращались в капиталистов, но их полулегальный статус уже не соответствовал масштабам их деятельности. Лидеры бизнес-группы "Уралмаш" начали устанавливать отношения с властями, а последние уже не могли игнорировать новую силу, появившуюся в регионе. Первым знаком установления пакта стала активная поддержка, оказанная оппозиционному Москве Эдуарду Росселю на губернаторских выборах в 1995 г. Позже Россель заявил в одном из своих интервью, что, по его сведениям, у *уралмагиевских* больше нет никаких проблем

¹ Вечерний Екатеринбург. 1993. 29 мая. С. 1.

² Справка в отношении ОПС, действующих в Свердловской области. Аналитическая записка Свердловского УФСБ. 1998. С. 2.

³ Обзор структуры организованных преступных формирований Свердловской области. Отчет Свердловского РУБОП. 1998. С. 8.

с законом. Наибольшее значение, по его мнению, имеет реальный вклад группировки в региональную экономику: "Я дал им приказ инвестировать в строительную индустрию региона"¹. Лидеры "Уралмаша" вошли в движение "Преображение Урала", которое активно занималось обеспечением общественной поддержки губернатора. В 1996 г. накануне президентских выборов Хабаров организовал "Движение рабочих в поддержку Бориса Ельцина", за что получил благодарственное письмо от переизбранного президента и часы с дарственной надписью от губернатора. "Я действительно горжусь ими, — признался Хабаров. — Мне не просто их подарили. Меня отметили. Меня признали за человека, да? Это стоит того, чтобы помнить об этом"².

Летом 1999 г. движение "Преображение Урала" снова оказывало поддержку Росселю на губернаторских выборах. Незадолго до этого, 6 мая этого же года, региональное отделение Министерства юстиции зарегистрировало "Общественно-политический союз" (ОПС) "Уралмаш"³. В него вошли все оставшиеся в живых основатели группировки *уралмашевская* и еще десяток "белых воротничков, никогда не державших в руках что-либо тяжелее калькулятора"⁴. Аббревиатура ОПС (организованное преступное сообщество), ранее употреблявшаяся правоохранительными органами, была таким образом переопределена его участниками и формально утверждена государственным органом в новой расшифровке. Символическая значимость этого события очевидна. Практически регистрация ОПС "Уралмаш" дала возможность ее членам формально участвовать в выборах и в региональных политических процессах, т.е., по сути, легализовало политическую "надстройку", реализующую интересы определенной группы собственников.

Вертикальная дезинтеграция

Большинство ОПГ начинали свою деятельность с вымогательства или откровенно криминального бизнеса. Затем они перенесли свою охранную и посредническую деятельность в сферу легальной торговли и производства. Большинство ОПГ стремились максимизировать свои доходы, изъять и распродать активы предприятий, которыми им удавалось завладеть, а затем вывезти вырученные средства за границу. После этого многие лидеры ОПГ покидали пределы страны. Другие ОПГ, возможно меньшинство, постепенно переориентировались на более предсказуемую и долгосрочную по-

¹ Независимая газета. 1999. 11 июня. С. 4.

² *Мостовщиков С.* Конец бандитизма в России // Эксперт. 1999. № 26. Июнь. С. 55.

³ См. <<http://www.ops-uralmash.ru>>.

⁴ Выражение PR-менеджера ОПС "Уралмаш" Дмитрия Красюка в интервью с автором.

литику по отношению к экономическим субъектам, на создание относительно благоприятных условий для инвестиций, источником которых были охранный дань и доход от всевозможных неформальных силовых "услуг". В ноябре 1998 г. в интервью еженедельному журналу некий московский криминальный авторитет заявил следующее: "Самыми крупными инвесторами в России за последние два года являемся мы. Без наших вложений сегодня невозможно представить экономику страны. Плохо это или хорошо — вопрос не к нам"¹. Хотя точный объем таких инвестиций вряд ли станет когда-либо известен, подобные заявления не следует рассматривать как чистый вымысел. Приведенные в данной статье примеры не единичны, а представляют собой распространенное явление. Когда силовые предприниматели становятся владельцами капитала, успешное использование активов и распоряжение ими начинают все более зависеть от логики и правил экономического действия. Осознание того, что их дальнейший успех зависит от ряда новых принципов, начиная с того, что высокий уровень насилия ведет к неоправданным затратам и риску, т.е. экономически не целесообразен, и заканчивая более сложной зависимостью от профессионального менеджмента, создало предпосылки для превращения ОПГ в региональные бизнес-группы.

Для многих авторитетов участие в организованной преступности стало средством быстрого повышения социального статуса в пределах одного поколения. Что происходит с самими ОПГ, когда их лидеры переходят в легальный бизнес? Переориентация на легальный бизнес сопровождается привлечением кадров из государственных правоохранительных органов и специальных служб для охраны собственности, а также наймом юристов для правового оформления деятельности или решения имущественных споров. По мере того как лидеры экономически успешных ОПГ развивали отношения с законными властями и интегрировались в легальный бизнес, члены среднего и низшего звеньев группировок становились ненужными. Многие из них теперь пополняют ряды обычной, неорганизованной преступности. Этот процесс можно назвать *вертикальной дезинтеграцией*. Если в середине 1990-х годов молодые люди, склонные к насилию и риску, приехав в большие города, имели возможность стать участниками организаций с жесткой дисциплиной и постоянным источником дохода, то к 2000 г. эти возможности практически исчерпали себя. В результате общество все чаще сталкивается с другого рода опасностью — ростом жестоких преступлений (грабежей, уличного насилия), совершаемых небольшими группами, часто сопровождающихся тяжкими телесными повреждениями или убийствами. Если жертвами ОПГ были в основном сами участники ОПГ, а также работавшие с ними коммерсанты

¹ Итоги. 1998. 8 дек. С. 16.

и чиновники, то жертвами неорганизованной преступности становятся простые граждане. На данном этапе именно мелкие неорганизованные группы, а также ОПГ, сохранившие традиционную криминальную ориентацию, должны стать основным объектом деятельности правоохранительных органов.